

Н.М. Смирнова

Коммуникация и интерсубъективность*

1. Коммуникация как проблема философии и когнитивных наук

Понятие коммуникации является одним из важнейших как в эпистемологии, так и в когнитивных науках о человеке. В современной эпистемологии актуальность проблемы концептуального анализа коммуникаций обусловлена потребностью определения эвристического потенциала и когнитивных границ коммуникативной парадигмы в теории познания, в социологии, социальной психологии и социолингвистике – необходимостью более четкой экспликации (пост)неклассического понимания «субъектности»¹.

Современный исследователь проблем коммуникации Г.А.Миллер полагает, что если представить когнитивную карту современных проблем социальных наук в виде матрицы, то философский анализ проблем коммуникации обогатит каждую ее клеточку². Однако сегодня философский анализ коммуникации отягощен проблемой концептуальной неопределенности этого понятия в рамках собственно философского дискурса. И хотя большинство авторов, работающих в этой области, призывают к «концептуальной строгости и ясности» этого понятия, его содержание и по сей день остается одним из наиболее «концепцио-зависимых» и семантически неопределенных. Так что не будет преувеличением

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 10-03-00085а «Интерсубъективность как проблема социальной эпистемологии».

¹ *Apel K.-O.* The a priori of Communication and the Foundation of the Humanities. Man and World. 1972. P. 7.

² *Miller G.A.* Problems of Communication. Deedalus, 1977. P. 113.

утверждать, что в современной философии содержание понятия коммуникации задано всеми контекстами обсуждений и дискуссий, в которых оно используется.

Однако, по мнению одно из виднейших авторов в области философской теории коммуникации Л.Гроссберга, такое положение дел затрудняет инструментальное использование понятия коммуникации для решения конкретных проблем когнитивных социальных наук. И важнейшей задачей философской теории коммуникации он полагает создание особого *метаязыка*, смыслы которого были бы первичны в отношении любых высказываний о конкретных формах коммуникаций, – языка, служащего основанием для сравнения альтернативных концепций и исследовательских программ философского анализа коммуникации³.

В современной философской литературе «коммуникация» встроена в концептуальный каркас таких понятий, как социальное, индивидуальное, контекст и *интерсубъективность*⁴. *В свою очередь, сама интерсубъективность, опосредующая дихотомию социального и индивидуального, допускает тройное истолкование. Соответственно, три основных подхода к концептуальному анализу природы и сущности коммуникаций, соответствующих различным образам интерсубъективности*, представлены в современной философской литературе.

Первый образ интерсубъективности содержит абсолютное противопоставление социального и индивидуального. Они представлены в «эксплицитно дуалистической метафизике». В таком понимании интерсубъективность опосредует (*bridges a gap*) существенно противоположные по смыслу понятия. Индивидуальное – существенно изолированная и самостоятельная сущность, характеризующаяся в терминах изолированной субъективности, не связанной с субъективностью других людей. Социальное в подобной модели предстает как существенно объективное, как реальность, противостоящая индивиду.

Нетрудно видеть, что главная проблема такого подхода состоит в *транscендировании индивидуальности*. В подобной модели интерсубъективность либо способствует наведению мостов

³ Grossberg L. Intersubjectivity and Conceptualization of Communication // Human Studies. 1982. Vol. 5. № 3. Sept. P. 213.

⁴ Ibid.

между двумя противостоящими полюсами коммуникации (например, с помощью пространственной метафоры интернализации-экстернализации), либо редуционистски элиминирует один из них.

Второй образ intersубъективности отчасти преодолевает дуалистическую метафизику в понимании структуры и сущности коммуникации. И хотя социальное и индивидуальное мыслятся как сохраняющие существенные различия, они предстают как взаимопроникающие (*necessarilly involved*). Иными словами, хотя каждое имеет отличную от другого и независимую природу, социальное и индивидуальное существуют лишь в контексте их взаимоотношений. Этот образ intersубъективности атрибутирован как «взаимная принадлежность». В таком образе intersубъективность не есть проект наведения мостов между социальным и индивидуальным, но процесс постоянно воспроизводящегося подтверждения индивидом своей социальной природы. В таком случае индивид – не изолированное сознание, а деятель, вступающий во взаимодействие с другими. В подобной интерпретации коммуникация выступает как непрерывно возобновляющийся процесс деконтекстуализации/реконтекстуализации.

Проблема, однако, в том, что подобный подход неявным образом уже предполагает существование социального контекста, в рамках которого происходит само взаимодействие и обмен смыслами. Именно этот «контекст» определяет природу и сущность социального. Он логически не редуцируем к индивиду и его деятельности, но презентует относительно устойчивую трансиндивидуальную структуру социальных отношений, в которую индивид уже включен изначально. Независимо от его конкретной формы, этот контекст является условием взаимодействия (взаимопонимания) индивидов. Так что подобный образ intersубъективности, описывающий коммуникацию в терминах деконтекстуализации/реконтекстуализации, имплицитно предполагает в качестве готовой предпосылки то, что более всего нуждается в объяснении.

Третий образ intersубъективности укоренен в феноменологической традиции. Фокус проблемы смещен здесь на *опыт проживания индивидом социальной реальности*. Это опыт нашего включения в смысловую структуру социального мира, определяющую саму возможность взаимопонимания и коммуникации. Достоинство такого подхода, по мнению Л.Гроссберга, состоит в том, что он лишен метафизических коннотаций и сосредоточен не

на проектировании связи социального и индивидуального, но на конституировании смысла интерсубъективности. Это вопрос о том, как мы воспринимаем в опыте «других» в своей повседневной жизни. Но это и вопрос о том, как мы конституируем самих себя (Self) и постоянно воспроизводим себя как социальные существа. Этот – феноменологический – поворот в решении проблемы интесубъективности и представляется наиболее перспективным направлением исследования социальных коммуникаций. Он и составит предмет нашего дальнейшего рассмотрения.

2. Феноменологический проект анализа социальных коммуникаций

Специфика социально-феноменологического подхода к анализу сущности социальных коммуникаций состоит в том, что культурно-антропологическим содержанием процессов социальной коммуникации является *трансляция человеческих смыслов*. Смысл – важнейший концепт философского учения о человеке, задающий гуманитарную размерность культурных артефактов человеческого познания и деятельности. В философской картине мира смысл опосредует онтологический зазор между бытием и сознанием. «Сознание (переживание) и реальное бытие – это отнюдь не одинаково устроенные виды бытия, которые мирно жили бы, один подле другого, порой “сопрягаясь”, порой “сплетаясь” друг с другом... убежден Э.Гуссерль. Между сознанием и бытием поистине зияет пропасть смысла»⁵.

Предметом социальной феноменологии является смысловая структура социальной реальности – «Der sinnhafte Aufbau der sozialen Welt»⁶. Применительно к анализу социальных коммуни-

⁵ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 1994. С. 10–11.

⁶ Это название первой и единственной, написанной на немецком языке, книги основателя социальной феноменологии А.Шюца, переведенной на английский язык под названием «On Phenomenology and Social Relations» (The Univ. of Chicago Press, 1970). Работы А.Шюца, написанные в Америке, представляют собой набор тематически связанных статей. Его последователями Р.Занером, М.Фабером и М.Натансоном издано трехтомное собрание его сочинений (Collected Papers, 1962, 1964, 1966, Martinus Nijhoff, The Hague), куда вошли работы, написанные после 1940 г. Рус. пер.: Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом / Сост., пер с англ. и общ. ред. Н.М.Смирновой. М., 2004.

каций социально-феноменологическая ориентация на постижение *смысловой структуры* социального мира означает, что как сама коммуникативная ситуация, так и вовлеченные в нее объекты природы и культуры имеют разное *значение* для коммуникативных партнеров. Источник подобного различия коренится в том, что ситуация, в которой находятся коммуникативные партнеры, является для каждого из них *биографически детерминированной*. Это означает, что личный опыт проживания человека в социальном мире опосредует любые формы его восприятия путем придания им биографически определенных *субъективных значений*. Поэтому первая трудность, с которой сталкиваются коммуникативные партнеры, состоит в том, что, находясь в биографически определенных ситуациях, они не в состоянии воспринимать одну и ту же ситуацию абсолютно одинаково, поскольку приписываемые ей субъективные значения различны, по крайней мере, до некоторой степени.

Эксплицируя предпосылки социальных коммуникаций, социальная феноменология постулирует возможность преодоления различий индивидуальных перспектив пространственного видения и биографической обусловленности восприятия в коммуникативной ситуации с помощью двух идеализирующих допущений: *взаимозаменяемости точек зрения и совпадения систем релевантности*. Взаимозаменяемость точек зрения (*interchangeability of the standpoints*) означает, что я полагаю само собой разумеющимся (и ожидаю, что другой делает то же самое), что различие наших пространственных положений по отношению к объекту не препятствует его восприятию в одной и той же системе типизаций. Соответствие систем релевантностей (*congruence of the system of relevances*) означает, что пока не доказано обратное, я считаю (и полагаю, что другой делает то же самое), что укорененное в биографически определенных ситуациях различие восприятий коммуникативной ситуации не препятствуют выполнению нами общей задачи. Мы оба отбираем и интерпретируем общие объекты и их характеристики одним и тем же способом, или, по крайней мере, в «эмпирически идентичной манере», достаточной для всех практических целей⁷. Приведенные выше идеализирующие допущения позволяют рассматривать коммуникативную ситуацию как *интер-*

⁷ On Phenomenology and Social Relations. Chicago, 1970. P. 183.

субъективную, т. е. не зависящую от того, каким образом определяют ситуацию коммуникативные партнеры, их положения в пространстве и уникальных биографических особенностей.

3. Социально-феноменологический анализ прямых социальных коммуникаций

Идеализация взаимности перспектив предполагает, что коммуникативным партнерам доступна телесность друг друга с симптомами внутренней жизни чужого сознания. Подобная ситуация непосредственной данности друг другу в пространстве общего восприятия, благодаря которым тела и лица партнеров становятся полем выражения их субъективного опыта, принято называть ситуацией «лицом-к-лицу» (face-to-face). Она представляет собой типизацию множества эмпирически различных ситуаций, в которых субъективность коммуникативных партнеров максимально открыта. Конечно, быть лицом-к-лицу с человеком, которого любишь, и со случайным дорожным попутчиком – разные (по субъективным смыслам) типы взаимодействий, но с одинаковой структурой презентации в опыте.

В ситуации «лицом-к-лицу», в которой коммуникативным партнерам максимально открыты проявления чужой субъективности, игру черт лица и жестов можно понять по аналогии с собственным опытом эмоционального самовыражения. Но коммуникативный партнер может лукавить, скрывая свои подлинные намерения, или использовать языковые знаки в их метафорическом значении. Подобную ситуацию с гениальной психологической тонкостью описал М.Булгаков в романе «Мастер и Маргарита». Римский прокуратор Понтий Пилат в беседе с начальником тайной стражи Афранием на словах выражает озабоченность якобы готовящимся покушением на Иуду. На самом же деле ценой тонких словесных ухищрений и денежных посулов он пытается донести до рыцаря плаща и кинжала совсем иной наказ: отомстить Иуде за его предательство. Афраний не сразу схватывает потаенный смысл Пилатова замысла, ибо прямое значение прокураторских слов расходится с навязанными языковой игрой. Пилат усиливает напряжение словесной игры, основанной на рассогла-

совании прямого и символического значения слов, подкупая потенциального мстителя щедрыми обещаниями. «Так убьют, игемон?» – восклицает прозревший, наконец, Афраний и отправляется исполнять тайное поручение.

Его дальнейшие действия свидетельствуют о том, что рыцарь плаща и кинжала *понял* подлинный смысл приказа, вопреки словесному наказу предотвратить убийство, т. к. на практике смог «включиться в игру» и осуществить задуманное Пилатом. Прибегнув к помощи возлюбленной Иуды, дабы заманить того в западню, он категорически отвергает предложенную прокуратором официальную версию убийства из ревности и с неподдельным возмущением повествует о собственном деянии как о дерзости убийц, подбросивших «иудины сребреники» в дом иудейского первосвященника.

Существует множество уровней понимания чужого действия. Коммуникативный партнер не должен и даже не в состоянии постичь всего многообразия мотивов другого в горизонте собственного опыта, т. к. абсолютно адекватное понимание потребовало бы полной идентичности их систем биографически обусловленных субъективных значений. Поэтому для коммуникативных целей достаточно редукции действия коммуникативного партнера к типичным субъективным мотивам, т. е. их отнесение (референцию) к типичным ситуациям, типичным целям и типичным средствам⁸. Так, большинство тех, кто не имеет собственных детей, в состоянии понять смысл высказывания «мать заботится о здоровье своего ребенка».

Существуют и разные уровни осведомленности о самом действующем лице, различные степени осведомленности и отчужденности: от близкого друга до случайного попутчика. Но чтобы понять типичные мотивы коммуникативного партнера, нет необходимости знать его лично. Можно, к примеру, понять действия исторической личности, жившей задолго до нас, или лично не знакомого нам публичного политика. Мы не можем знать, о чем они думали, но в состоянии приписать их действиям *типичные мотивы*. Понять анонимного коммуникативного партнера – значит интерпретировать его деятельность в категориях типичной мотивации. Я могу понять смысл высказывания «Франция опасается перевооружения Германии», не будучи ни немцем, ни французом, утверждает А.Шюц.

⁸ On Phenomenology and Social Relations. Chicago, 1970. P. 180.

В ситуации «лицом-к-лицу» коммуникативное взаимодействие является сравнительно «мягким». Ему трудно навязать жесткие образцы (коммуникативные паттерны). Даже если ситуация организована как «жесткая» (по типу армейской иерархии), свойственные ей образцы взаимодействий в процессе обмена значениями неизбежно «размягчаются». Но и коммуникация лицом-к-лицу предполагает наличие типизированных схем. Однако эти схемы более пластичны, более доступны взаимному наложению (интерференции), чем в отдаленных (непрямых) формах социальных взаимодействий. «Наиболее важный коммуникативный опыт имеет место в ситуации “лицом-к-лицу”, – убеждены П.Бергер и Т.Лукман. – Все остальные типы социальных коммуникаций производны от него»⁹.

Типичным образцом социальных коммуникаций являются повседневные беседы. Утверждению о том, что один коммуникативный партнер понимает смысл речи другого, в социальной феноменологии присущ двоякий смысл: объективный – понимание произносимых слов на основе их словарных значений, и субъективный – понимание того смысла, что вкладывает в свои слова сам говорящий. Чтобы схватить субъективный смысл, необходимо интерпретировать интенциональные акты говорящего, соответствующие выбору его слов. Понимание возможно в той мере, в какой говорящий и слушающий в состоянии постичь содержание субъективных значений друг друга. Анализ этого вопроса отсылает нас к дальнейшему социально-феноменологическому анализу речевых коммуникаций.

4. Язык как средство трансляции субъективных значений

Развитые социальные коммуникации основаны на использовании знаков и знаковых систем. Знак, используемый в коммуникации, адресован индивиду или анонимному интерпретатору. Коммуникация будет успешной, если коммуникативный знак предварительно проинтерпретирован тем, кто его использует, в терминах ожидаемой интерпретации адресата. Феноменологически это озна-

⁹ Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality. Anchor, 1961. P. 28.

чает, что *тот, кто использует знак, должен предвосхитить апперцептивную и референциальную схемы его интерпретации*. Иными словами, использующий знаки в коммуникативных целях должен предвосхитить, «как слово наше отзовется», предварительно «отрепетировать» их ожидаемую интерпретацию коммуникативным партнером. Коммуникация будет успешной, если интерпретативная схема использующего коммуникативный знак и та, которую, как ожидается, использует интерпретатор, существенно совпадают.

Ввиду обусловленности интерпретативных схем коммуникантов персональной системой субъективных значений, укорененных в биографически детерминированных ситуациях, их абсолютное совпадение невозможно. Различие систем субъективных значений полагает предел абсолютному успеху коммуникации. Но коммуникация может быть и действительно является успешной в высокоформализованных и стандартизированных языках, например, с использованием научной и технической терминологии. Практическое следствие подобных рассуждений состоит в том, что успешная коммуникация возможна лишь между персонами и социальными группами, разделяющими существенно сходную систему типизаций и релевантностей. Чем они более сходны, тем выше вероятность успешной коммуникации. «Коммуникативный императив» социальной феноменологии гласит: *соответствие смыслового контекста интерпретативных схем определяет условие и границы возможной коммуникации, т. е. способность партнеров адекватно понимать друг друга*.

Наиболее распространенным типом коммуникаций являются упомянутые выше *повседневные беседы*. С социально-феноменологической точки зрения процесс беседы – это взаимный обмен субъективными смыслами. В повседневных беседах люди, как правило, не дают ни определения мира, ни оценки собеседника и самих себя. Но повседневные беседы ведут с позиций определенных представлений о мире, себе и других, молчаливо принимаемых говорящими как сами собой разумеющиеся. Ибо любое высказывание осмыслено лишь в рамках определенной картины социальной реальности.

Посредством обмена субъективными значениями осуществляется *коммуникативная поддержка субъективной реальности*. Самооценка, которую, как правило, поддерживает в человеке его собеседник, постоянно убеждает его в том, что он действительно тот, за кого себя принимает («короля играет свита»). И хотя коммуни-

кативная поддержка субъективной реальности в процессах повседневных бесед является неявной (латентной), значение беседы для поддержания субъективной реальности и всей системы социальных коммуникаций столь велико, что Г.Сакс, к примеру, определяет повседневную жизнь как «линейный порядок практик беседы»¹⁰. Он не без основания полагает, что исследование повседневных речевых структур (конверсационной логики) и воплощенного в них «фонового» (неявного) знания способствует выявлению смысловой структуры социальной реальности – того «само собой разумеющегося», которое и позволяет коммуникативным партнерам понимать друг друга «с полуслова». Именно это «фонковое» знание и составляет когнитивный фундамент повседневных коммуникаций.

Основанная на презумпции коммуникативной природы субъективной реальности, социальная феноменология использует принятый в современной лингвистике ситуационно-интеракционистский подход к значению. Это означает, что в ее рамках значения языковых знаков рассматриваются не как жестко фиксированные, но как обусловленные, по меньшей мере частично, коммуникативной ситуацией. Ситуативно релевантное употребление языковых знаков определяет как выбор подходящего слова из словаря, так его эмерджентные смысловые оттенки. «Значение знака определяется как взаимным отношением знаков, так и тем, как их используют»¹¹, – убежден Г.Гарфинкель. Устойчивое же ядро референтных значений, зафиксированное в словарях, воплощает *типизированный* опыт использования слова лингво-коммуникативным сообществом и не исчерпывает собою всей полноты его значения в конкретной ситуации речевого общения. Для адекватного понимания слов коммуникативного партнера необходимо принять во внимание его *ситуативные коннотации*, выражающие личный опыт использующего слово человека применительно к конкретной ситуации речевой коммуникации¹².

¹⁰ Sacks H. Introduction. P. V11 // Garfinkel H. (ed.) *Studies in Ethnomethodology*. Ethnomethodological Studies of Work. L., 1986.

¹¹ Garfinkel H. *Ethnomethodological Studies of Work*. *Studies in Ethnomethodology*. L., 1986. P. 114.

¹² Подобное различие двух аспектов значения можно обнаружить еще в книге Л.С.Выготского «Мышление и речь» (1934). Он придает большее значение объективному аспекту значения, по его мнению, свидетельствующему о глубине отражения объективного мира.

На относительное рассогласование субъективного и intersубъективного значения слова в конкретной ситуации его использования в отечественной литературе обратил внимание А.Р.Лурия. «“Значение”, – утверждает он, – есть устойчивая система обобщений, стоящая за словом, *одинаковая для всех, людей*, причем эта система может иметь только разную глубину, разную обобщенность, разную широту охвата обозначаемых им предметов, но она обязательно сохраняет неизменное “ядро” – определенный набор связей». Наряду с этим, названный автор рассматривает и субъективную проекцию значения, обозначаемую термином “*смысл*”. В отличие от значения, смысл – “*индивидуальное значение слова*”, выделенное из этой объективной системы связей; оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данному моменту и к данной ситуации. Поэтому если “значение” слова является intersубъективным отражением системы связей и отношений, то “смысл” – это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации»¹³. Иными словами, «референтное» значение универсально и выражает лингво-коммуникативный опыт всего языкового сообщества. Смысл же «относителен» к личному опыту человека и конкретной ситуации его использования. В социальной феноменологии этому различению соответствуют понятия *объективного и субъективного значения*.

Любой естественный язык, как правило, содержит слова с различными оттенками значений. Смысловые коннотации детерминированы коммуникативным контекстом и имеют специфически «ситуативную» окраску в каждом отдельном случае их употребления. Ситуативная детерминация значения состоит в том, что в различных ансамблях речевых практик слово обрастает эмерджентными, ассоциативными и эмоциональными «окаймлениями» (*fringes*). Они образуют аффективно-смысловую ауру ядра «словарного» значения – лексически не выразимые смысловые импликации. Эмерджентные смыслы намекают, но «не говорят». Их можно выразить взглядом, жестом, танцем, положить на музыку, но нельзя деконтекстуализировать. На ауре маргинальных смыслов построена вся мировая поэзия. Не называя вещи своими именами, они позволяют «создать настроение» – эмоциональную и аффективную ауру художественного текста или живого общения.

¹³ Лурия. А.Р. Язык и сознание. М., 1979. С. 53.

Не существует установленных правил выбора смысловых коннотаций для различных ситуаций речевой коммуникации, т. к. значение знака детерминировано не только взаимным отношением знаков, но и тем, как их используют. Употребление слова, т. е. выбор из словаря подходящего значения или выражения, всегда опосредован как прошлым коммуникативным опытом говорящего, так и его персональным определением ситуации речевого общения. В этом смысле язык каждый раз рождается заново в процессе его использования: устоявшиеся словарные значения слов претерпевают коннотативный «сдвиг значений» применительно к той или иной ситуации речевой коммуникации. Почерпнутые из коммуникативного опыта эмерджентные смыслы обеспечивают дополнительную «ситуативную» окраску каждому отдельному случаю употребления слов естественного языка. Ситуативно-обусловленные смыслы необходимо принять во внимание не только для адекватного понимания повседневных бесед, но и в изучении смысловых аспектов социальных коммуникаций в целом.

Эмерджентные смыслы невозможно деконтекстуализировать, т. е. понять на основе интерсубъективных словарных значений в отрыве от конкретной ситуации речевой коммуникации, т. к. когда аппрезентативное соответствие знака и референта установлено, в самих знаках нет следов этой работы. «Как представляется, в философии языка и культуры недооценена антиномия прямого значения знака и его идиоматического использования, – убеждены Н.Н.Козлова и И.И.Сандомирская. В основе же этой антиномии, полагают названные авторы, лежит оппозиция референции и тропа»¹⁴, до сих пор не исследованная в должной мере. Ибо приписывание прямого (словарного) значения идиоматическим выражениям ведет к бессмыслице.

Спектр возможных смысловых коннотаций «словарных» значений образует специфическую матрицу разговорного языка, в социальной феноменологии называемую «схема выражения». Она может иметь персональный, социально-групповой характер или принадлежать лингвистическому сообществу в целом. Но даже и в последнем случае схема выражения транслируема исключительно в коммуникативном процессе и не может быть по-

¹⁴ Козлова Н.Н., Сандомирская И.И. Я так хочу назвать кино. «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения. М., 1997. С. 22.

черпнута лишь из словаря и грамматики. «Для того, чтобы освоить чужой язык как схему выражения, – убежден А.Шюц, – нужно написать на нем любовное письмо, помолиться и выругаться»¹⁵. Ибо экспрессивная и интерпретативная схемы естественных языков постигаются лишь в коммуникативном опыте, в котором конституируются и воспроизводятся.

5. Непрямые речевые коммуникации

Сложность адекватного восприятия языковых знаков существенно возрастает в ситуации не прямых социальных коммуникаций. Обращаясь к анонимному коммуникативному партнеру, использующий языковые знаки лишен возможности наблюдать за выражением его лица и телесной экспрессией. В таком случае говорящему следует иметь в виду, что ему не удастся скорректировать возможное (а отчасти и неизбежное) несовпадение субъективных значений в самом процессе языковой коммуникации. Социальная феноменология постулирует следующее: чтобы быть правильно понятым, говорящий должен осуществить воображаемую «репетицию» чужого восприятия, т. е. антиципацию аппрезентативной и референциальной схем выражения своего адресата – предвосхитить, «как слово наше отзовется». Если же коммуникативный партнер представлен идеальным типом, то использующий языковые знаки должен по возможности придерживаться их intersубъективного, «словарного» значения. Чем более анонимен коммуникативный партнер, тем более «объективно» следует использовать языковые знаки.

Усвоение языка сходно с усвоением любых правил: и то, и другое предполагает умение интерпретировать. Ребенок должен учиться интерпретировать слово или правило вкупе с конкретными примерами их употребления. «Члены общества, – убежден А.Сикурел, – должны усвоить знание того, как приписывать значение, так чтобы общие правила могли быть артикулированы применительно к отдельным случаям»¹⁶. Правила, следовательно, всегда требуют дополнительного осознания некоторых особенностей, определяющих применимость этих правил в каждом конкретном случае.

¹⁵ Schutz A. On Phenomenology and Social Relations. Chicago, 1979. P. 98.

¹⁶ Ibid. P. 51.

В философско-методологическом плане это означает, что универсалистские претензии классической социальной теории на открытие «всеобщих и необходимых законов» социальной жизни в рамках социальной феноменологии дополняются необходимостью исследовать «правила интерпретации». При этом любые интерпретации рассматриваются как временные конвенции, которые могут быть приняты лишь до тех пор, пока не заменены последующими интерпретациями, отвечающими более глубокому пониманию предмета. И задача методолога – изучать социально-культурную обусловленность различных интерпретаций в типизированных (интерсубъективных) способах мышления и деятельности¹⁷.

Исследование языковых ресурсов объективации личного опыта приобретает особую значимость и в свете важнейшего методологического императива социальной феноменологии, которое следовало бы считать общеметодологическим: экспликации предпосылок научного рассуждения, почерпнутых из обыденного мышления. Презумпция погруженности социального теоретика в повседневные ансамбли языковых практик и, следовательно, несвободы от языковых клише, обусловленных его социально-групповым положением, – отличительная черта методологической рефлексии неклассической науки. Сформулированный в рамках социальной феноменологии *постулат чистоты метода* предписывает трактовать как аналитически проблемную не только языковую деятельность как таковую, но и свою собственную практику использования языка как члена языкового сообщества¹⁸.

¹⁷ В ходе дальнейшего развития феноменологии, а именно в «трансцендентальной прагматике» К.-О.Апеля, осуществлен переход от «синтеза апперцепций» к «коммуникативному синтезу интерпретаций», от анализа сознания – к анализу общения.

¹⁸ Но процесс экспликации предпосылок, почерпнутых из обыденного языка и мышления, потенциально бесконечен, поскольку, как только такие значения обнаружены, допущения, сделанные в их анализе, также должны быть прояснены. В свою очередь, их экспликация заставляет делать дополнительные допущения, и так *ad infinitum* («парадокс бесконечной триангуляции»). Чтобы избежать редукции в бесконечность, ученый должен удовлетвориться если не исчерпывающим, то *практически достаточным* объяснением. И до тех пор, пока оно не опровергнуто новыми интерпретациями, найденное объяснение должно быть временно принято. Экспликация собственных предпосылок,

Это требует экспликации неявных предпосылок, идолов и ловушек языка, почерпнутых из практики использования естественного языка в обыденном и научном мышлении. Рефлексивный анализ предпосылок социально-теоретического исследования позволяет достичь если не исчерпывающей, то практически достаточной степени «чистоты метода» как условия методологической корректности социально-научного исследования в когнитивных науках о человеке.

т. о., является бесконечным процессом, поэтому социальный ученый должен осознавать, что его научные открытия являются временными, «предпосылочными» истинами, зависящими от путей познания и способов интерпретации.